

Ходынка

Толстой Л. Н. Ходынка // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 тт. Т. 38. М.: Гос. изд. «Художественная литература», 1936. С. 205–211.

– Не понимаю этого упрямства. Зачемъ тебе не спать и идти «въ народъ», когда ты можешь спокойно Ехать завтра съ тетей Верой прямо въ павильонъ. И все увидишь. Я ведь говорилъ тебе, что Беръ мне обещалъ провести тебя. Да ты, какъ фрейлина, и имеешь право.

Такъ говорилъ известный всему высшему свету подъ прозвищемъ пижонъ князь Павелъ Голицынъ своею 23-летней дочери Александре, по признанному за ней прозвищу «Рина». Разговоръ этотъ происходилъ вечеромъ 17 мая 1896 года, въ Москве, накануне народнаго праздника коронаціи. Дело было въ томъ, что Рина, красивая, сильная девушка, съ характернымъ голицынскимъ профилемъ, горбатымъ носомъ хищной птицы, уже пережила періодъ увлеченій светскими балами и была или, по крайней мере, считала себя передовою женщиной и была народницею. Она была единственная дочь и любимица отца и делала, что хотела. Теперь ей взбрела мысль, какъ говорилъ отецъ, итти на народное гулянье съ своимъ кузеномъ не въ полдень съ дворомъ, а вместе съ народомъ, съ дворникомъ и помощникомъ кучера, которые шли изъ ихъ дома и собирались выходить рано утромъ.

– Да, мне, папа, хочется несмотреть на народъ, а быть съ нимъ. Мне хочется видеть его отношеніе къ молодому царю. Неужели нельзя хоть разъ...

– Ну делай, какъ хочешь, я знаю твое упрямство.

– Не сердись, милый папа. Я тебе обещаю, что буду благоразумна, и Алекъ будетъ неотступно со мной.

Какъ ни странной и дикой казалась эта затея отцу, онъ не могъ не согласиться.

– Разумеется возьми, – отвечалъ онъ на ея вопросъ, можно ли взять коляску. – Доедешь до Ходынки и пришлешь назадъ.

– Ну такъ такъ.

Она подошла къ нему. Онъ по обычаю перекрестилъ ее; она поцеловала его большую белую руку. И они разошлись. –

—

Въ этотъ же вечеръ въ квартире, сдававшейся известной Марьей Яковлевной рабочимъ съ папиросной фабрики, шли также разговоры о завтрашнемъ гулянье. Въ квартире Емельяна Ягоднова сидели зашедшіе къ нему товарищи и сговаривались, когда выходить.

– Въ пору ужъ и не ложиться, а то того гляди проспидь, – говорилъ

Яша, веселый малый, живший за перегородкой.

– Отчего не поспать, – отвечал Емельянь. – Съ зарей выйдемъ. Такъ и ребята сказывали.

– Ну спать такъ спать. Только ужъ ты, Семенычъ, разбуди коли что.

Семенычъ Емельянь обещалъ и самъ досталъ изъ стола шелковыя нитки, подвинулъ къ себе лампу и занялся пришивкой оторванной пуговицы къ летнему пальто. Окончивъ дело, приготовилъ лучшую одежду, выложивъ на лавку, вычистилъ сапоги, потомъ помолился, прочтя несколько молитвъ: Отче, Богородицу, значенія которыхъ онъ не понималъ, да и никогда не интересовался, и, снявъ сапоги и портки, легъ на примятый тюфячокъ скрипучей кровати.

«Отчего же? – думалъ онъ. – Бываетъ же людямъ счастье. Може и точно попадетсѣ выигрышный билетъ». (Среди народа былъ слухъ, что, кроме подарковъ, будутъ раздавать еще и выигрышные билеты.) «Ужъ что тамъ десять тысячъ. Хушь бы пятьсотъ рублей. 25 То-то бы наделалъ деловъ: старикамъ бы послалъ, жену бы съ места снялъ. А то какая жизнь врозь. Часы бы настоящіе купилъ. Шубу бы себе и ей сделалъ. А то бьешься, бьешься и все изъ нужды не выьешься». И вотъ стало ему представляться, какъ онъ съ женой идетъ по Александровскому саду, а тотъ самый городской, что летось его забралъ за то, что онъ пьяный ругался, что этотъ городской ужъ не городской, а генераль, и генераль этотъ ему смеется и зоветъ въ трактиръ органъ слушать. И органъ играетъ, и играетъ точно какъ часы бьютъ. И Семенычъ просыпается и слышитъ, что часы шипятъ и бьютъ, и хозяйка Марья Яковлевна за дверью кашляетъ, а въ окне уже не такъ темно, какъ было вчера.

«Какъ бы не проспать».

Емельянь встаетъ, идетъ босыми ногами за перегородку, будить Яшу, одевается, маслитъ голову, причесывается, глядитъ въ разбитое зеркальцо.

«Ничего, хорошо. За то и девки любятъ. Да не хочу баловаться...»

Идетъ къ хозяйке. Какъ вчера уговорено, беретъ въ мешочекъ пирога, два яйца, ветчины, полбутылки водки, и чуть занимается заря, они съ Яшей выходятъ со двора и идутъ къ Петровскому парку. Они не одни. И впереди идутъ, и сзади догоняютъ, и со всехъ [сторонъ] выходятъ и сходятся и мужчины, и женщины, и дети, все веселые и нарядные, на одну и ту же дорогу.

И вотъ дошли до Ходынского поля. А тутъ ужъ народъ по всему полю чернеетъ. И изъ разныхъ местъ дымъ идетъ. Заря была холодная, и люди раздобываются сучьевъ, поленьевъ, и раздуваютъ костры.

Сошелся Емельянь съ товарищами; тоже костеръ развели, сели, достали закуску, вино. А тутъ и солнце взошло, чистое, ясное. И весело стало. Играютъ песни, болтаютъ, шутятъ, смеются, всему радуются, радости ожидаютъ. Выпилъ Емельянь съ товарищами, закурилъ, и еще

веселей стало.

Все были нарядны, но и среди нарядных рабочих и их жен заметны были богачи и купцы с женами и детьми, которые попадались промеж народа. Так заметна была Рина Голицына, когда она, радостная, сияющая от мысли, что она добилась своего и с народом, среди народа, празднует восшествие на престол обожаемого народом царя, ходила с братом Алеком между кострами.

— Проздравляю, барышня хорошая, — крикнул ей молодой фабричный, поднося ко рту стаканчик. — Не побрезгуй нашей хлеба-соли.

— Спасибо.

— Кушайте сами, — подсказал Алек, щеголя своим знанием народных обычаев, и они прошли дальше.

По привычке всегда занимать первые места, они, пройдя по полю между народом, где становилось уже тесно (народу было так много, что, несмотря на ясное утро, над полем стоял густой туман от дыхания народа), они пошли прямо к павильону. Но полицейские не пустили их.

— И прекрасно. Пожалуйста, пойдемь опять туда, — сказала Рина, и они опять вернулись к толпе.

—

— Вре, — отвечал Емельянь, сидя с товарищами вокруг разложенной [на] бумаге закуски, на рассказ подошедшего знакомого фабричного, о том, что выдают. — Вре.

— Я тебе сказываю. Не по закону, а выдают. Я сам видел. Несет и узелок и стакан.

— Известно, шельмы артельщики. Имь что. Кому хотять, тому дають.

— Да это что же. Разве это можно противу закону.

— Вот-те можно.

— Да идемь, ребята. Чего смотреть на них.

Все встали. Емельянь убрал свою бутылочку с оставшейся водкой и пошел вперед вместе с товарищами.

Не прошел он двадцати шагов, как народ стеснил так, что идти стало трудно.

— Чего лезешь?

— А ты чего лезешь?

— Что ж ты один?

– Да буде.

– Батюшки, задавили, – послышался женскій голосъ. Детскій крикъ слышался съ другой стороны.

– Ну тебя къ матери...

– Да ты что. Али тебе одному нужно.

– Всю разберуть. Ну дай доберусь до нихъ. Черти, дьяволы.

Это кричалъ Емельянь и, напруживая здоровыя, широкія плечи и растопыривая локти, раздвигалъ, какъ могъ, и рвался впередъ, хорошенько не зная, зачѣмъ, потому только, что все рвались и что ему казалось, что прорваться впередъ непременно нужно. Сзади его, съ обоихъ боковъ были люди, и все жали его, а впереди люди не двигались и не пускали впередъ. И все что-то кричали, кричали, стонали, охали. Емельянь молчалъ и, стиснувъ здоровые зубы и нахмуривъ брови, не унывалъ, не ослабевалъ и толкалъ переднихъ, и хоть медленно, но двигался. Вдругъ все всколыхнулось и, после ровнаго движенія, шарахнулось впередъ и въ правую сторону. Емельянь взглянулъ туда и увидалъ, какъ пролетело что-то одно, другое, третье и упало въ толпу. Онъ не понималъ, что это такое, но близко около него чей-то голосъ закричалъ:

– Черти проклятые – въ народъ хвырять стали.

И тамъ, куда летели мешочки съ подарками, слышны были крики, хохотъ, плачь и стоны.

Емельяна кто-то больно толкнулъ подъ бокъ. Онъ сталъ еще мрачнее и сердитее. Но не успѣлъ онъ опомниться отъ этой боли, какъ кто[-то] наступилъ ему на ногу. Пальто, его новое пальто, зацепилось за что-то и разорвалось. Въ сердце ему вступила злоба, и онъ изъ всехъ силъ сталъ напирать на передовыхъ, толкая ихъ передъ собой. Но тутъ вдругъ случилось что-то такое, чего онъ не могъ понять. То онъ ничего не видалъ передъ собой, кроме спинь людскихъ, а тутъ вдругъ все, что было впереди, открылось ему. Онъ увидалъ палатки, те палатки, изъ которыхъ должны были раздавать гостинцы. Онъ обрадовался, но радость его была только одну минуту, потому что тотчасъ же онъ понималъ, что открылось ему то, что было впереди, только потому, что они все подошли къ валу, и все передніе, кто на ногахъ, кто котомъ, свалились въ него, и самъ онъ валится туда же, на людей, валится самъ на людей, а на него валятся другіе, задніе. Тутъ въ первый разъ на него нашель страхъ. Онъ упалъ. Женщина въ ковровомъ платке навалилась на него. Онъ стряхнулъ ее съ себя, хотель вернуться, но сзади давили, и не было силъ. Онъ подался впередъ, но ноги его ступали по мягкому – по людямъ. Его хватали за ноги и кричали. Онъ ничего не виделъ, не слышалъ, и продирался впередъ, ступая по людямъ.

– Братцы, часы возьмите, золотые. Братцы, выручьте, – кричалъ человекъ подле него.

«Не до часовъ теперь», подумаль Емельянь и сталъ выбираться на другую сторону вала. Въ душе его было два чувства, и оба мучительныя: одно – страхъ за себя, за свою жизнь, другое – злоба противъ всехъ этихъ ошалелыхъ людей, которые давили его. А между темъ та съ начала поставленная себе цель: дойти до палатокъ и получить мешокъ съ гостинцами и въ немъ выигрышный билетъ, съ самага начала поставленная имъ себе, влекла его.

Палатки уже были въ виду, видны были артельщики, слышны были крики техъ, которые успели дойти до палатокъ, слышенъ былъ и трескъ досчатыхъ проходовъ, въ которыхъ спиралась передняя толпа. – Емельянь понатужился, и ему оставалось ужъ не больше двадцати шаговъ, когда онъ вдругъ услышалъ подъ ногами, скорее помежду ногъ детскій крикъ и плачь. Емельянь взглянулъ подъ ноги, мальчикъ простоволосый, въ разорванной рубашонке, лежалъ навзничъ и, не переставая голося, хваталь его за ноги. Емельяну вдругъ что-то вступило въ сердце. Страхъ за себя прошелъ. Прошла и злоба къ людямъ. Ему стало жалко мальчика. Онъ нагнулъся, подхватилъ его подъ животъ, но задніе такъ наперли на него, что онъ чуть не упаль, выпустилъ изъ рукъ мальчика, но тотчасъ же, напрягши все силы, опять подхватилъ его и вскинулъ себе на плечо. Напиравшіе менее стали напирать, и Емельянь понесъ мальчика.

– Давай его сюда, – крикнулъ шедшій вплотъ съ Емельяномъ кучеръ и взялъ мальчика и поднялъ его выше толпы.

– Беги по народу.

И Емельянь, оглядываясь, видель, какъ мальчикъ, то ныряя въ народе, то поднимаясь надъ нимъ, по плечамъ и головамъ людей уходиль все дальше и дальше.

Емельянь продолжалъ двигаться. Нельзя было не двигаться, но теперь его уже не занимали подарки, ни то, чтобы дойти до палатокъ. Онъ думаль объ мальчике и о томъ, куда делся Яша, и о техъ задавленныхъ людяхъ, которыхъ онъ видель, когда проходиль по валу. Добравшись до палатки, онъ получилъ мешочекъ и стаканъ, но это уже не радовало его. Порадовало его въ первую минуту то, что здесь кончалась давка. Можно было дышать и двигаться. Но тутъ же сейчасъ и эта радость прошла отъ того, что онъ увидаль здесь. А увидаль онъ женщину въ полосатомъ, разорванномъ платье, съ растрепанными русыми волосами и въ ботинкахъ съ пуговками. Она лежала навзничъ; ноги въ ботинкахъ прямо торчали кверху. Одна рука лежала на траве, другая была, съ сложенными пальцами, ниже груди. Лицо было не бледное, а съ синевой белое, какое бывастъ только у мертвыхъ. Эта женщина была первая задавлена на-смерть и была выкинута сюда, за ограду, передъ царскимъ павильономъ.

Въ то время, когда Емельянь увидаль ее, надъ ней стояли два городовыхъ, и полицейскій что-то приказываль. И тутъ же подъехали казаки, и начальникъ что-то приказаль имъ, и они пустились на Емельяна и другихъ людей, стоявшихъ здесь, и погнали ихъ назадъ въ толпу. Емельянь опять попалъ въ толпу, опять давка, и давка еще

худшая, чемъ прежде. Опять крики, стоны женщинъ, детей, опять одни люди топчуть другихъ и не могутъ не топтать. Но у Емельяна ужъ не было теперь ни страха за себя, ни злобы къ темъ, кто давилъ его, было одно желаніе уйти, избавиться, разобраться въ томъ, что поднялось въ душе, закурить и выпить. Ему страшно хотелось закурить и выпить. И онъ добился своего, вышелъ на просторъ и закурить и выпилъ.

Но не то было съ Алекомъ и съ Риной. Не ожидая ничего, они шли между сидящимъ кружками народомъ, разговаривая съ женщинами, детьми, какъ вдругъ народъ весь ринулся къ палаткамъ, когда прошелъ слухъ, что артельщики не по закону раздають гостинцы. Не успела Рина оглянуться, какъ она уже была оттерта отъ Алека, и толпа понесла ее куда-то. Ужасъ охватилъ ее. Она старалась молчать, но не могла, и вскрикивала, прося пощады. Но пощады не было, ее давили все больше и больше, платье обрывали, шляпа слетела. Она не могла утверждать, но ей казалось, что съ нея сорвали часы съ цепочкой. Она была сильная девушка и могла бы еще держаться, но душевное состояніе ея ужаса было мучительно, она не могла дышать. Оборванная, измятая, она кое-какъ сдержалась; но въ тотъ часъ, когда казаки бросились на толпу, чтобы разогнать ее, она, Рина, отчаялась, и какъ только отчаялась, ослабела, и съ ней сделалось дурно. Она упала и ничего больше не помнила.

Когда она опомнилась, она лежала навзничъ на траве. Какой-то человекъ, въ роде мастерового, съ бородкой, въ разорванномъ пальто, сидель на корточкахъ передъ нею и брызгалъ ей въ лицо водою. Когда она открыла глаза, человекъ этотъ перекрестился и выплюнулъ воду. Это былъ Емельянь.

— Где я? Кто вы?

— На Ходынке. А я кто? Человекъ я. Тоже помяли и меня. Да нашъ братъ всего вытерпеть, — сказала Емельянь.

— А это что? — Рина указала на деньги медныя у себя на животе.

— А это значить такъ думаль народъ, что померла, такъ на похоронки, а я пригляделся, думаю нетъ жива. Сталь отливать.

Рина оглянулась на себя и увидала, что она вся растерзанная, и часть груди ея голая. Ей стало стыдно. Человекъ понялъ и закрылъ ее.

— Ничего, барышня, жива будешь.

Подошелъ еще народъ, городской. Рина приподнялась и села и объявила, чья она дочь и где живетъ. А Емельянь пошелъ за извозчикомъ.

Народу ужъ собралось много, когда Емельянь приехалъ на извозчике. Рина встала, ее хотели подсаживать, но она сама села. Ей только было

стыдно за свою растерзанность.

– Ну а братец–то где? – спрашивала одна из подошедших женщин у Рины.

– Не знаю. Не знаю, – съ отчаяніем проговорила Рина. (Приехавь домой, Рина узнала, что Алекъ, когда началась давка, успель выбратсь изъ толпы и вернулсь домой безъ всякаго поврежденія.)

– Да вот онъ спась меня, – говорила Рина. – Если бы не онъ, не знаю, что бы было. Какъ васъ зовуть? – обратилась она къ Емельяну.

– Меня–то? Что меня звать.

– Княжна ведь она, – подсказала ему одна изъ женщин, – бога–а–а–тая.

– Поедьте со мной къ отцу. Онъ васъ отблагодарить.

И вдругъ у Емельяна на душе что–то поднялось такое сильное, что не променяль бы на двухсоттысячный выигрьшь.

– Чего еще. 26 Нетъ, барышня, ступайте себе. Чего еще благодарить.

– Да нетъ же, я не буду спокойна.

– Прощай, барышня, съ Богомъ. Только пальто мою не увези.

И онъ улыбнулсь такой белозубой радостной улыбкой, которую Рина вспоминала какъ утешеніе въ самыя тяжелыя минуты своей жизни.

И такое же еще большее радостное чувство, выносящее его изъ этой жизни, испытываль Емельянь, когда вспоминаль Ходынку и эту барышню и последній разговоръ съ нею.

Примечания

Катастрофа, происшедшая в день коронации Николая II (18 мая 1896 г.) на Ходынском поле, тогда же была отмечена Толстым в его Дневнике: «Страшное событие в Москве – погибель 3000. Я как–то не могу как должно отозваться. Всё нездоровится, слабею» (запись от 28 мая 1896 г.). 19 июня 1896 г. записано: «Вчера приехал Поша. 475 Хорошо рассказывал про Ходынку». В дальнейшие годы никаких записей, связанных с катастрофой на Ходынке, нет – вплоть до 1909 г., когда в Дневнике от 14 ноября между прочим отмечено: «прекрасный рассказ Сони о спасении девушки на Ходынке». Д. П. Маковицкий в своих записках указывает, что Толстой заинтересовался Ходынкой «после того, как прочел фельетон «Ходынская катастрофа» в «Голосе Москвы» от 3 декабря 1909 г., и тогда спросил другой материал» (запись от 6 февраля 1910 г.). Однако этому как будто противоречит вышеприведенная запись самого Толстого в Дневнике. Возможно, что поводом для возбуждения еще большего интереса к этой теме была не эта газетная статья сама по себе, а то, изложением чего она является, – большая статья Вл. фон–Штейна в «Историческом вестнике»

1909 г. (№ 11), рисующая подробности ходынской катастрофы по впервые публикуемым данным предварительного следствия. Судя по дате 14 ноября, можно думать, что именно эта статья вызвала воспоминания о Ходынке и «прекрасный рассказ Сони». Газетный фельетон мог быть вторичным толчком.

Следующий момент в истории этого рассказа – переписка Толстого с В. Ф. Красновым. Еще А. Б. Гольденвейзер записал в своем дневнике от 4 марта 1910 г.: «Рассказал, что читал статью или книжку (не помню) какого-то Краснова о Ходынке. (Очевидно, это чтение послужило толчком к написанию рассказа.)» Переписка с Красновым относится к январю 1910 г. Прочитав присланную автором статью о Ходынке, Толстой написал ему 8 января 1910 г.: «Василий Филиппович, получив вашу статью о Ходынке, я очень обрадовался, будучи вполне уверен, что такой интересный предмет и описанный вами, очевидцем, вами, так хорошо владеющим языком, – будет изложен так, что всякий журнал с удовольствием примет его и за него заплатит. Я уже готовился посылать его в «Русскую мысль», но решил прежде внимательно прочесть его. Но, к сожалению и удивлению моему, нашел, что рассказ написан так странно, с такими ненужными, преувеличенными сравнениями, так застилающими самую интересную сущность дела, которая слишком мало рассказана, что рассказ не может быть принят, и я раздумал посылать его. Возвращаю его вам и советую переделать, откинув всё лишнее, только затемняющее сущность такого интересного события, и вновь прислать его ко мне. Тогда непременно постараюсь поместить его. Пожалуйста не сетуйте на меня». 476 В письме к Краснову от 14 января 1910 г. Толстой по его просьбе точнее указывает недостатки статьи: «Нехороши сравнения, описания того, чего не мог видеть автор, а главное декадентская манера приписывать сознательность неодушевленным предметам... Не унывайте и не берите в описание за образец новых, а Пушкина и Гоголя». Переделанная и вновь присланная Толстому рукопись Краснова была отправлена в редакцию «Русского богатства» и появилась в этом журнале. 477

В записи от 6 февраля 1910 г. Д. П. Маковицкий сообщает: «Лев Николаевич рассказал, что он сейчас читал Моода о Ходынке «The tsar's coronation». 478 Очень интересно. А что потом Илья Васильевич [Сидорков], 479 который сам был там, рассказал ему про Ходынку гораздо лучше. Заинтересовался Лев Николаевич Ходынкой после того, что прочел фельетон «Ходынская катастрофа» в «Голосе Москвы» от 3 декабря 1909 г., и тогда спросил другой материал. Я ему напомнил, что он уже раз собирал об этом материал и сам написал, и что это использовано Моодом в английской брошюре. Лев Николаевич попросил достать ее и теперь прочел». Возможно, что следом рассказа Сидоркова является конспект, набросанный в Записной книжке 1910 г.: «1) Крики. 2) Оборванцы на палатках кричат: не ходите. 3) поднимают детей по головамъ. 4) Около вала на обе стороны раздавленные. 5) Въ Петр[овскомъ] парке палаточн[ики]. 6) Народъ бежить. 7) Казаки бьютъ 8) Артельщи[ца] разда[вленная]. 9) Полиція тоже. 10) Бросали гостинцы въ народъ». См. т. 58, стр. 179.

20 февраля 1910 г. В. Ф. Булгаков записал в дневнике: «Л. Н.... разговаривал с Михаилом Сергеевичем [Сухотиным] об ужасной катастрофе на Ходынке во время коронации в 1896 г. – Я хотел писать

на эту тему, она мне очень интересна. Психология этого события такая сложная. Обезумевшая толпа, дети, спасающиеся по головам и по плечам; купец Морозов, выкрикивающий, что он заплатит 18 000 за его спасение. И почему именно 18 000?! А главное, эта смена: сначала у всех веселое, праздничное настроение, а потом – эта трагедия, эти раздавленные тела... Ужасно!»⁴⁸⁰

В записи от 22 февраля 1910 г. Д. П. Маковицкий сообщает, что Толстой интересовался рассказом «о давке в кинематографе в Туле, причем погибло 12 человек, загорелась целлюлоидная лента, выход был единственный и с восемью ступенями кверху. Эти описания ему нужны для очерка «Ходынка», который пишет. Подробности о Ходынке, кроме Ильи Васильевича, ему сообщили Молоствовы, бывшие тогда там». ⁴⁸¹

Было высказано предположение, что одним из источников «Ходынки» послужил устный рассказ проф. И. И. Иванюкова о том, как пострадала на Ходынском поле дочь одного известного юриста, который придерживался системы свободного воспитания. ⁴⁸² Эта «своенравная барышня» позировала своей самостоятельностью и считала себя демократкой. Толстой был знаком с Иванюковым, но никаких следов беседы Толстого с ним о Ходынской катастрофе ни в переписке, ни в Дневнике Толстого, ни в мемуарной литературе нет. Возможно, что прототипом Рины послужила дочь юриста, о которой Иванюков рассказывал И. А. Линниченко, но детали самой катастрофы почерпнуты Толстым, очевидно, из других источников.

Толстой написал свой рассказ в один день, но остался им недоволен; 25 февраля 1910 г. в его Дневнике записано: «Написал целый рассказ Ходынка, – очень плохо». 4 марта 1910 г. он говорил А. Б. Гольденвейзеру: «Я написал рассказ, но даже не дал переписывать. Стыдно лгать. Крестьянин, если прочтет, спросит: «Это точно так всё было?» («Вблизи Толстого», II, стр. 7).

Текст «Ходынки» не переписывался и не перерабатывался. Имеется одна рукопись – автограф на 19 листах, из которых лл. 2–3 и 5–19 оторваны от полученных писем, а лл. 1 и 4 – сложенное пополам печатное обращение о содействии предполагаемому в Москве «Этическому музею» (дата «февраль 1910 г.»), очевидно присланное Толстому; на обороте этого обращения – текст «Ходынки». Пагинация карандашом, рукой Толстого (1–21). Под текстом подпись «Л. Т.» и дата: «25 Ф. 1910».

Рассказ «Ходынка» при жизни Толстого напечатан не был. Впервые появился в издании А. Л. Толстой – «Посмертные художественные произведения Л. Н. Толстого» т. III, М. 1912, стр. 183–193.

В этом издании, как и во всех последующих, отсутствует заключительный абзац («И такое же еще большее...»), впервые появляющийся в настоящем издании. Отсутствие его в издании А. Л. Толстой объясняется тем, что листок, на котором написаны эти заключительные строки, оказался лежащим отдельно от всей рукописи, в архиве А. Л. Толстой, ныне находящемся в ГТМ.

В настоящем издании «Ходынка» печатается по автографу.

Сноски

25. Зачеркнуто: Ни въ жисть не сталь бы тутъ жить. Поехаль бы домой – лошадь, корову купиль, землицы прик[упиль]

26. Зачеркнуто: Тебе хорошо – и мне хорошо. Вотъ и все.

475. П. И. Бирюков.

476. См. статью С. М. Брейтбурга «К вопросу об источниках «Ходынки». (По неизданным материалам)». Юбилейный сборник «Л. Н. Толстой» (Труды Толстовского музея). Гиз. 1928.

477. «Ходынка. Рассказ не до смерти растоптанного». («Русское богатство» 1910, № 8). Впоследствии вышел отдельной брошюрой. (Харьков. 1919.)

478. Эта книжка, без имени автора, имеется в Яснополянской библиотеке: «The tsar's coronation as seen by «Da monto alto» resident in Moscow». The Brotherhood Publishing Co. London. 1896.

479. Слуга в доме Толстого.

480. «Лев Толстой в последний год его жизни», изд. «Задруга». М. 1918, стр. 83.

481. Е. В. Молоствовва была на месте катастрофы вблизи царского павильона благодаря своему родственнику, Н. Н. Беру, чиновнику особых поручений при министерстве двора и члену коронационной комиссии (см. упоминание о нем в начале «Ходынки»).

482. И. А. Линниченко, «Источник одного из рассказов Л. Н. Толстого». (Первоначально в Одесских новостях» 8 ноября 1912 г., потом в книге «Речи и поминки», Одесса 1914.)